

СОСТАВ, ДЕНЕЖНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛГОРОДСКОЙ СТАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ В 1630 ГОДУ

С.А. Печенина,
г. Курск

В статье на основе документов Российского архива древних актов рассмотрены структура, задачи и маршруты патрулирования белгородской станичной службы в 1630 году, обозначены основные принципы формирования станиц, затронута проблема получения станичниками денежного жалования. Подробно изложена история «татарского погрома» в июне 1630 года белгородской станицы Кондрата Трунова и механизм получения станичниками денежной компенсации за потерянное имущество.

Ключевые слова и фразы: Белгород, 1630 год, станичная служба, станичники, станичные дети боярские, станичные атаманы, ездоки, вожи, татарские сакмы.

После основания в конце XVI века в верховьях Северского Донца Белгородской крепости при ней была образована станичная служба – воинское формирование, состоящее из конных разведотрядов, высылаемых в степь с целью обнаружения неприятеля на дальних подступах к южным рубежам Русского государства. Со смертью в апреле 1605 года Бориса Годунова российская государственность вступает в наиболее кризисный период Смутного времени. Созданная на южном русском порубежье система подвижных разведывательных дозоров в этот период времени полностью рушится и начинает восстанавливаться только после прихода к власти в 1613 году Михаила Федоровича Романова.

К 1630-м годам станичная служба имела в трех южнорусских пограничных городах – Валуйках, Осколе и Белгороде. Самая многочисленная белгородская станичная служба включала в себя 40 конных отрядов – «станиц», в каждой из которых насчитывалось по 10 человек. Структурно станица состояла из станичного сына боярского (голова), его заместителя – атамана, 6 ездоков и 2 вожей (проводников). Таким образом, согласно десяти денежной раздачи 1629 года воеводы Ивана Еропкина, в Белгороде числилось 400 человек станичников: 40 станичных голов, 40 атаманов, 240 ездоков и 80 вожей¹.

Главной задачей белгородской станичной службы было патрулирование местности, по которой проходили Муравская, Изюмская и Кальмиусская сакмы – основные дороги, использовавшиеся крымскими татарами для набегов на Русское государство. Станицы ездили по двум заранее прописанным маршрутам, «и сакмы все переезжали, и вестей про воинских людей проводывали подлинно», чтобы «воинские люди на

наши украины безвесно не приходили и православных крестьян в полон не имали»².

Первый маршрут патрулирования шел от Белгорода «с ногайской стороны» (по левобережью) Северского Донца, мимо Цареборисовского городища, пересекал Изюмский и Кальмиусский шляхи и заканчивался у Сокольных гор (район современного города Белая Калитва Ростовской области). Второй маршрут движения белгородских конных разъездов проходил по правобережью Северского Донца («с крымской стороны») до «верх Арели и Самари», левых притоков Днепра, и практически совпадал с пролегавшим здесь Муравским шляхом³.

Все станицы должны были доезжать до конечных точек маршрутов, где они оставляли в заранее оговоренном месте выданный им при выезде из Белгорода специальный документ, скрепленный воеводской печатью – «дозорную (доездную) память», и забирали оставленный предыдущей станицей такой же документ, который служил доказательством полного прохождения маршрута⁴.

Белгородские станицы были разделены на две равные части по 20 станиц. Первая двадцатка патрулировала степь по обоим маршрутам «з Благовещеньева дни (25 марта) по Госпожина заговена (31 июля)», вторая – «с Оспожина заговена и до заморозов, и до больших снегов». Проезд по каждому из маршрутов патрулирования до самых дальних урочищ совершался дозорными отрядами «станичною ездой» за 9 дней, столько же требовалось и на обратный путь⁵. Поэтому с конца марта, с периодичностью один раз в 9 дней, по каждой из патрульных дорог из Белгорода в рейд отправлялось по станице, которые на обратном пути встречались

с другим отрядом станичников, выехавшим им навстречу. Следовательно, каждая из станиц за весь полевой сезон выезжала на патрулирование не более 2-х раз.

Вследствие этого, кроме своей основной службы, в свободное от степных походов время белгородские станичники привлекались воеводой к другим видам гарнизонной службы, о чем они пишут в 1631 году в челобитной царю Михаилу Федоровичу: «Служим мы, холопи твои, в Белегороде твою государеву службу безпрестани лета и зиму, в станицу ездим к урочищам, и к сакмам, и к Самари. И в походы, государь, в приход за крымскими и за нагайскими воинскими людьми твои государевы воеводы нас же, холопей твоих, посылают. И по городу, государь, и по острогу караулим днем и ночью, лета и зиму безпрестана. И твою государеву десятинную пашню пашем, и сеем, и жнем, и молотим, и в житницы возим мы ж, холопи твои. И к кабатцкому, и к таможенному збору нас же холопей твоих выбирают...»⁶.

Станичная служба была в значительной степени наследственной. Если станичник становился непригодным к службе по причине старости, увечья или бедности, то вместо него к станичной службе привлекались его дети, братья или племянники. В случае если кто-либо из станичников попадал в плен, был убит или умер, а после них оставались «дети их недоросли», живущие на отцовских поместьях, то их, согласно царскому указу, следовало привлекать к станичной службе. Если же среди родственников выбывших станичников не находилось пригодных к станичной службе, то в станичные головы следовало выбирать из полковых детей боярских и из станичных атаманов «самых добрых людей», в атаманов – из жилых атаманов, ездоков и вожей, а в ездоки и вожи велено было брать из жилых казаков и из прочих людей, которым было бы знакомо полевое дело. Для несения службы станичникам предписывалось иметь «по два кони добрых, или к коню по мерину по доброму», поэтому в станичную службу отбирали наиболее имущих претендентов, подходящих под это требование⁷.

Станичники были поверстаны денежными и земельными окладами. По данным десяти денежной раздачи 1629 года воеводы Ивана Еропкина денежные оклады станичных детей боярских варьировали от 3 до 14 рублей, у атаманов от 4 до 14 рублей, у ездоков от 3 до 8 рублей. У всех вожей денежный оклад состав-

лял 6 рублей⁸. Денежное жалование станичники, в отличие от других представителей служилого сословия, получали регулярно, весной, перед выездом на станичную службу⁹. Однако фактически полученное царское жалование отличалось от верстальных окладов. Так весной 1629 года белгородским станичникам с окладами от 8 до 14 рублей было «дано государева жалованья» только по половине оклада, а станичники с окладами от 3 до 7 рублей получили на руки «все по 4 рубли»¹⁰.

Аналогичная ситуация с денежным довольствием сложилась и в Осколе, где станичным детям боярским за 1629 год было роздано по 5 рублей, а атаманам, ездокам и вожам по 4 рубля¹¹. Недовольные таким положением дел белгородские и оскольские станичники в конце 1629 года пишут челобитные царю Михаилу Федоровичу, в которой просят, «чтоб государь их пожаловал, велел им дати свое государево денежное жалованье на нынешней, на 138-й год, для их бедности полные оклады, как им давано в прошлых годах при царе Борисе»¹².

Дьяками Разрядного приказа в архивах государева двора были найдены сохранившиеся «после московского разоренья» раздаточные книги 1601 и 1604 годов, в которых было указано, что «белгородским станичником детем боярским дано по 10 рублев, атаманом по 8 рублев, ездоком и вожом по 6-ти рублев»¹³.

7 марта 1630 года в Белгород прибыл подьячий Разрядного приказа Михаил Волошенинов. Он привез царскую грамоту и «денежные казны» на жалованье станичникам – 2640 рублей. Совместно с белгородским воеводой Иваном Еропкиным в Белгородской крепости у съезжей избы им был произведен смотр станичников и роздано жалование, согласно государеву указу «перед прежними годы с прибавкою, как им дано при царе Борисе»: станичным головам по 10 рублей, атаманам по 8 рублей, ездокам и вожам – по 6 рублей «сполна все налицо с поруками», о чем была составлена раздаточная десятня и отправлена в Москву с Михаилом Волошениновым¹⁴.

Служба в станицах была довольно опасной, ежегодно во время степных рейдов в стычках с татарами или воровскими черкасами погибали или попадали в плен белгородские станичники, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы того времени. Так, 21 июня 1630 года, из Белгорода «вниз по Донцу мимо Царева-Борисова городища, к урочищам, к Ойдару и к Сакольим

горам» отправилась в дозор очередная станица, возглавляемая станичным сыном боярским Кондратом Труновым. Конный отряд благополучно прошел половину маршрута до верховьев речки Черный Жеребец, левого притока Северского Донца. Здесь, видя, что лошади сильно устали, станичный голова Кондрат Трунов решил разделить отряд. Он выбрал из своей станицы 10 лучших лошадей, «да на тех лошадах он, Кондрат, да с ним стоничные ездоки Третьяк Бухонов, да Илья Мурзин, да Восилей Чебукин, да стоничнай вож Клим Конищев» продолжили маршрут к Соколым горам¹⁵.

Вторая часть отряда: станичный атаман Фрол Ястребов и ездоки «Федор Окулов, да Ондрон Смелой, да Иван Шереметьев, да вож Григорей Серова» остались с уставшими лошадьми в верховьях Черного Жеребца. Перед отъездом Кондрат Трунов определил день, в который ожидалось его возвращение. Фрол Ястребов «с товарищи» сверх оговоренного времени ждали возвращения «из доезду Кондрата Трунова три дни», послали ему навстречу ездока Андрона Смелого, но он столкнулся с отрядом татар и, бросив коня со всем снаряжением, скрылся в лесу. Решив, что «ево, Кондрата Трунова, с товарищи поймали тотарове», станичники 4 июля вернулись в Белгород¹⁶.

15 июля в Белгород пришел станичный ездок Илья Мурзин, «той же стоницы Кондрата Трунова, ранен, застрелен из лука». Он рассказал белгородскому воеводе Ивану Еропкину, что при движении к Соколым горам, возле речки Боровой, их отряд внезапно съехался с татарским чамбулом. Станичники попробовали оторваться от татар, но те их догнали. Во время погони Илью Мурзина ранили, и «их де стоничников Кондрата Трунова с товарищи взяли тотарове, и привели их на крымскою сторону реки Донца, на речку на Лугань». В плену у татар Илья Мурзин пробыл «пять дней, да четыре ночи связан, живот свой мучил», а на пятую ночь сбежал. «И на Лугани де стоит тотар человек со триста и больши», а в какие места они собираются совершить набег, о том ему не известно¹⁷.

Еще в 1593 году царем Федором Ивановичем путивльским, ливенским и елецким станичникам «за службу, и за изрон, и за полон» была установлена денежная компенсация¹⁸. Разовая выплата полагалась так же за ранение. Позже это правило было перенесено указом царя Михаила Федоровича на вновь образованные станичные службы Белгорода, Оскола и Валук¹⁹. Поэтому

уже 19 июля Илья Мурзин «с товарищи» пришли в съезжую избу к Ивану Еропкину с челобитной царю Михаилу Федоровичу, и просили, чтобы он «велел, ево, Илью Мурзина отпустить к Москве бити челом». Воевода его отпустил, но послал с ним к царю свою отписку с описанием происшествия, к которой приложил поименный список, «что у станичников на погроме тотаровя поймали лошадей и всякой служилой рухляди»²⁰.

В общей сложности татарам досталось 11 лошадей с уздами, седлами и войлочными потниками под седло, 11 притороченных к луке седла арканов, 11 треног – кожаных ремней, которыми стреножили лошадей и 5 епанчей – широких войлочных плащей с капюшоном, пропитанных олифой и используемых в ненастную погоду²¹. Всего каждый из станичников потерял по лошади, а Илья Трунов – двух лошадей. Из вооружения в росписи указан только колчан у станичного головы Кондрата Трунова, хотя в челобитной Ильи Мурзина написано, что станичники попали в плен к татарам «с пищальми»²². Это оружие было, по-видимому, казенным, компенсации за него не полагалось, поэтому белгородский воевода не включил его в роспись имущества, которое было взято татарами «на погроме». Обычно за «служилую рухлядь» станичники никакого денежного возмещения не получали, им давали только «государева жалованья за конь по 4 рубли»²³.

В Москву в Разрядный приказ Илья Трунов прибыл 25 августа. В своей челобитной он просил царя пожаловать его за службу, «и за раны, и за полон, и за изрон своим царским жалованьем. И тех моих товарищей, которые со мною вместе в полон взяты, пожалуй, государь, жен их, и детей, и братьев своим царским жалованьем, чем тебе, милосердому государю, о том Бог известит»²⁴.

В Разряде рассмотрели отписку воеводы Ивана Еропкина и челобитную Ильи Трунова, сделали с них выпись. Станичного ездока дополнительно опросили и осмотрели его раны. Ранен он в двух местах: «по брюху повыше луны, да по правой ноге в ладышку, раны зажили». Со слов челобитчика лечение ему обошлось в 40 алтын²⁵.

В начале сентября 1630 года по государеву указу белгородским станичникам было пожаловано «за изрон и за погромные лошади»: Илье Трунову за два коня и еще пяти станичникам за 5 коней – по 4 рубля. За коней взятых в плен 4 станичников царь велел дать их женам и детям

так же по 4 рубля²⁶. «И у тех станичников, что взяты в полон, ныне в Белгороде: у сына боярсково у Кондрата Трунова отец да мать, да брат в службу поспел, да жена, да 2 сына. У ездовых: у Третьяка Бухонова жена, да сын 12 лет; у Василья Чебукина жена, да 3 сына. У вожа Клемена Конищева жена да 3 сына, два в службу поспели, а третьей не велик»²⁷.

Всего за 11 лошадей велено было выдать 44 рубля. Илье Мурзину государь повелел «дати своево государева жалованья за полон два рубли, да за рану на лечбу полтора рубли». Все деньги, 46 рублей с полтиною (куда делся 1 рубль – не понятно), приказано было из Разряда послать в Белгород «к воеводе с челобитчиком с Илейкою Мурзиным», вместе с государевой грамотой, в которой воеводе предписывалось все эти деньги раздать в Белгороде станичникам или их наследникам²⁸.

Вся вышеизложенная информация почерпнута из столбца Белгородского стола №25 фонда 210 (Разрядный приказ) РГАДА. В этом столбце собраны документы об организации сторожевой и станичной службы в южнорусских городах за 1629–1631 годы²⁹. Некоторые материалы столбца использовались при написании статей о белгородских и валуйских станичниках О.А. Курбатовым³⁰ и А.Г. Чепухиным³¹. Однако, содержащиеся в столбце документы, не публиковались, следовательно малоизвестны современным исследователям истории южнорусского порубежья XVII века. Поэтому ниже прилагаем документы из столбца за 1630 год, касающиеся организации станичной службы в Белгороде.

Приложение

1. Январь – начало февраля 1630 г. Докладная выпись Разрядного приказа о белгородских станичниках

(Л. 46) И выписано в доклад о станичниках. В Белгороде станичных детей боярских – 40 человек, атаманов – 40 ж человек, ездовых – 240, вожей – 80 человек. Всего в Белгороде станичников 400 человек. А государева им жалованья денежные оклады по десятне из Белгорода денежные роздачи воеводы Ивана Еропкина с товарищи 137-го году написано: детем боярским: 2 человеком по 14 рублей; 1 человеку 9 рублей; 3 человека по 8 рублей; 3 ж человека по 7 рублей; 5 человек по 6 рублей; 10 чело-

век по 5 рублей; 13 человек по 4 рублей; (Л. 47) 3 человеком по 3 рубли. Того детем боярским 40 человеком по окладом 223 рубли. Атаманом: 2 человеком по 14 рублей; 2 человеком по 13 рублей; 2 человеком по 12 рублей; 1 человеку 11 рублей; 4 человеком по 9 рублей; 5 человеком по 8 рублей; 1 человеку 7 рублей; 12 человеком по 6 рублей; 2 человеком по 5 рублей; 9 человеком по 4 рубли. Итого атаманом, 40 ж человеком, государева жалованья по окладом 290 рублей. (Л. 48) Ездоком: 2 человеком по 8 рублей; 1 человеку по 7 рублей; 219 человеком по 6 рублей; 1 человеку 5 рублей; 6 человеком по 4 рубли; 11 человеком по 3 рубли. Итого ездом 240 человеком по окладом 1399 рублей. Вожом 80 человеком по 6 рублей. Итого 480 рублей. И всего белгородским станичником детем боярским, и атаманом, и ездом, и вожом государева жалованья по окладом 2392 рубли. А ездят из Белгорода станицы к урочищам двумя дорогами. (Л. 49) Первою дорогою Муравским шляхом с ногайской стороны Северсково Донца и до Сокольных гор. А ездю до того урочища станичною ездю 9 дней, а назад тож. Другою дорогою с крымские стороны верх Арели и Самари. А ездю до тех урочищ станичною ездю 9 дней. А ездят надвое. Первая 20 станиц з Благовещеньева дни до Госпожина заговена. А другая 20 ж станиц с Оспожина заговена и до заморозов, и до больших снегов. А в станице по сыну боярскому, да по атаману, да по 6-ти человек ездовых, да по 2 вожа.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 46–48

2. Январь – начало февраля 1630 г. Докладная выпись Разрядного приказа из расходных книг 1601 и 1604 годов

(Л. 55) А в расходных книгах при царе Борисе, каковы сысканы после Московского разоренья, написано: 109-го году по книгам за рукою подьячево Василья Архипова дано государева жалованье белгородским станичником детем боярским по 10 и по 9 рублей, атаманом по 8 рублей, ездом и вожем по 6 рублей. Да 112 году по книгам за руками боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, да Ивана Салтыкова, да дьяка Тимофея Витовтова, дано государево жалованье станичникам в полюокладу детем боярским по 5 рублей, а иным по 4 рубли с полтиною. Атаманом по 4 рубли, ездом и вожом по 3 рубли.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 55

3. Январь – начало февраля 1630 г.

Докладная выпись Разрядного приказа о денежном жаловании белгородских и оскольских станичников в 1629 и 1630 годах

(Л. 65) Доложити государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси о станичных ездохех. Дано государева жалованья во 137-м году белгородским 400 человеком детем боярским, и атаманом, и ездоком, и вожом, которым оклады по 14, и по 13, и по 12, и по 11, и по 10, и по 9, и по 8 рублей и тем в полюокладов, а которым оклады по 7, и по 6, и по 5, и по 4, и по 3 рубли, и тем всем по 4 рубли. Итого 1626 рублей. Оскольским 200 человеком детем боярским по 5 рублей, атаманом, и ездоком, и вожом по 4 рубли. Итого 802 рубли. А помечено им государево жалованье на 137 год дати генваря в 3 день и отпущено с Москвы в генваре ж всего в Белгород и на Оскол послано 2428 рублей. А ныне бьют челом государю, царю и великому (Л. 66) князю Михаилу Федоровичю всеа Руси белгородские и оскольские станичники, чтоб государь их пожаловал, велел им дати свое государево денежное жалованье на нынешней на 138 – й год для их бедности полные оклады, как им давано в прошлых годах при царе Борисе. А по роздаточным книгом, каковы сысканы после московского разоренья за руками боярина князя Бориса Михайловича Лыкова да Ивана Салтыкова да дьяка Тимофея Витовтова, да подьячево Василя Архипова, как давано государево жалованье на Москве и в Белегороде 109-го и 112-го году, белгородским станичником детем боярским дано по 10 рублей, атаманом по 8 рублей, ездоком и вожом по 6-ти рублей. Итого белгородским и оскольским иметца дати 3960 рублей. А только государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожалует (Л. 67) белгородских и оскольских станичников велит дати свое государево жалованье на нынешней на 138-й год по их окладом, что им ныне денежные оклады написаны по десятнем, каковы присланы из городков 137-го году. Итого 3537 рублей.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 65–67.

4. 16 февраля 1630 г. Черновик царского указа о денежном жаловании белгородским станичникам на 1630 год

(Л. 83) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Белгород воеводе нашему Ивану Федоровичю Еропкину. В

прошлых годах давано наше жалованье белгородским станичником по указным статьям. (Л. 83об.) И ныне били нам челом белгородские станичники дети боярские, и атаманы, и ездоки, и вожи. Служат де они нашу станичную службу, и в станицы к урочищем ездят безспренно, и от того де они стали скудны, и вперед им нашей станичной службы служить будет нечем, наше де им жалованье дано в полюоклад. И нам бы их пожаловать для их станичной службы, велеть им дати наше денежное жалованье на нынешний, на 138-й год, как им давано в прежних годах. (Л. 83) А ныне белгородских станичников детей боярских, и атаманов, и ездоков, и вожей пожаловал, велел для станичной службы, для их скудости, им наше жалованье дати на нынешней, на 138-й год, по нашему указу перед прежними годы с прибавкою, как им давано при царе Борисе: детем боярским по десяти рублей, атаманом по осьми рублей, ездоком и вожом по шти рублей. И на жалованье станичником наше денежные казны в Белгород послано с подьячим с Михаилом Волошениновым две тысячи шестьсот сорок рублей, за ево, Михайловым, счетом. А розобрати тех (Л. 83об.) станичником, и станицы устроить, и наше денежное жалованье роздати указали есмь тебе, да с тобою подьячему Михаилу Волошенинову, а кому именем белгородским станичником дати наше жалование и список (Л. 84об.) имен их, да на Москву Михаилу Волошенинову за дьячьєю приписью. И как к тебе ся наша грамота придет, а Михайло Волошенинов с тою нашею казною в Белгород приедет, и ты б, да с тобою подьячей Михайло Волошенинов, тое нашу казну поставил в городе, где стоит наша (Л. 84) белгородская казна, и сторожей к ней приставили сколько человек пригож. А устроя казна, вели быти к съезжей избе белгородским станичником, детем боярским, и атаманом, и ездоком, и вожом всем. Да как сойдутца, и ты бы тех станичников, да с тобою подьячей Михало Волошенинов, по списку пересмотрели их всех налицо. А пересмотря, сказали им наше жалованье, что мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Руси самодержец, их, станичных детей боярских, и атаманов, и ездоков, и вожей, пожаловал, велел им дати наше жалованье на нынешней, на 138 год, (Л. 85) для станичной службы и для их скудости, перед прежним с прибавкою, как им давано, наперед того, при царе Борисе: детем боярским по десяти рублей, атаманом по осьми рублей,

ездокам и вожом всем по шти рублев. И они б дети боярские, и атаманы, и ездоки, и вожи службу свою к нам исполняли, в станицы ездили до урочищ, и сакмы все переезжали, и вестей про воинских людей проводывали подлинно. И приезжали в Белгород с прямыми вестьми, чтоб воинские люди на наши украины безвесно не приходили и православных крестьян в полон не имали. А сказав станичником наше жалованье, роздали по списку, каков список дан на Москве Михаилу Волошенинову. А давали бы есте наше жалованье станичником всем налицо, с поруками, что им наша служба служити по прежнему нашему (Л. 86) указу. А для станичной службы держати им по два коня, или к коню по мерину по доброму. А за очи никому никакова нашего жалования не довати, и того смотрети и беречи накрепко, чтоб у них никто никаково нашего жалованья подставою не взял. Да и того б есте смотреть их накрепко, будет которой станичник сын боярской, или атаман, или ездок, или вож стар добре или худ, и чем увечен, или беден и вперед с станичную службу не будет. И в тех старых, и увечных, и в худых и бедных место имати в станицы детей их, и братью, и племянников, которые в станичную службу пригодились, и ково б с станичную службу стало. А будет хто из детей боярских, и из атаманов, и из ездоков, и из вожей взят в полон, или убит, или умер, а после их остались дети их недоросли, а живут (Л. 87) на отцовских поместьях, а в службу будет спсели, и собою добры, и с станичную их службу будет, и вы б тех взяли в станичную службу. А будет станичных детей боярских, и атаманов, и ездоков, и вожей из детей их, и из племянников, и из недорослей, которых в Белгороде в станицы vybrати немочно, и в станицы на выбылых место vybrати в головы ис полковых детей боярских, и ис станичных атаманов самых добрых людей. А в атаманы из жилых атаманов, и из ездоков, и из вожей, которые пригодятца. А в ездоки и вожи из жилых казаков и изо всяких людей. А выбирали бы ести в станичную службу самых добрых, конных и прожиточных людей, ково б с станичную службу стало, и кому б полевое дело (Л. 88) было за обычай. И чтоб у всяково станичника было по два кони добрых, или к коню по мерину по доброму. И нашим жалованьем, помесными и денежными оклады, тех новиков поверстали, да и старых голов и атаманов, будут которые не верстаны, и которым малые оклады поверстали по выпросу окладчики, и кто в которую статью пригодитца.

Да и про то б вам станичников роспрашивати и сыскивати будет, которые станичники дети боярские, и атаманы, и ездоки, и вожи, или их дети, и братья, и племянники, и бывая станичные службы, а живут где ухоронясь в Белгороде на посаде, и в уезде, или в новой в Стариковой слободе, или за детьми боярскими, или за монастыри, или за кем-нибудь, а животом прожиточны, и ничем не увечны, и не бедны, и с станичную (Л. 89) их службу станет, и тех всех сыскивая взяли б есте в станичную службу на выбылых место, и учинили б нам в Белгороде станицы все сполна и наше им жалованье дали по нашему указу. Да кому именем белгородским станичником наше жалованье дадите, и хто по ком в нашем жалованье и службе порука, и в которые места белгородские станичники ездят к урочищем, в кольки недель переменяются, и которые (Л. 90) сакмы переезжают, и от приходу воинских людей оберегают. И то б все написали есте в десятню своей роздачи подлинно порознь по статьям с помесными и з денежными оклады. А роздав наше жалованье станичником, подьячево Михаила Волошенинова с роздаточными книгами за своею рукою отпустил к нам, к Москве. Писано на Москве лета 7138-го февраля в 16 день.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 83–90

5. 2 мая 1630 г. Отписка царю Михаилу Федоровичу белгородского воеводы Ивана Еропкина о раздаче денежного жалованья станичникам

(Л. 142) Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, холоп твой, Ивашка Еропкин челом бьет. Нынешнего, государь, 138 году марта в 7 день прислана твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамота ко мне, холопу твоему, за приписью твоего государева дьяка Михайло Донилова, А в твоей государеве грамоте писано: ко мне, холопу твоему, послано в Белгород с подьячим с Михаилом Волошениновым твоей государевой денежные казны на жалованья станичником две тысячи шестьсот сорок рублев. И я, холоп твой, по твоей государеве грамоте, да со мною Михайло Волошенинов, пересмотрели станичников, разобрали не верстонных, и которые верстоньем оскорблены. А тех, по твоей государеве указной грамоте, поместьями и денежными оклады по допросу и по сказке окладчиков твоим государевым жало-

ваньем, помесными и денежными оклады, и хто в которую статью пригодился, поверстали. И что кому головам (Л. 143) и атоманом помесные и денежные оклады учинены, и твое государево денежное жалованья роздали по твоему государеву указу: головам по десяти рублей, атоманам по осьми рублей, ездаком и вожом по шти рублей сполна всем на лицо с поруками. И учинили в Белгороде сорок станиц. В станице по сыну боярскому, да по атоману, да по шти человек ездоков, да по два человека вожей. Всего в станице по десяти человек. А кому именем белгородским станичником твое государево жалованье старым и новиком, которых прибрали вновь, дали, и хто по ком в твоей государеве службе и в делах порука, и в которые места станичники на поле к урочищем ездят, и в колько недель переменяютца, и которые сакмы переезжают, и то, государь, писано в роздаточной десятни порознь по стотьям. А роздав, государь, твое государево денежное жалование станичником, подьячево Михайло Волошенинова с роздаточною десятнею отпустил тебе, государю, к Москве.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 142–143.

6. Июль 1630 г. Отписка царю белгородского воеводы Ивана Еропкина о погроме татарами станицы Кондрата Трунова

(Л. 164) Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, холоп твой, Ивашка Еропкин челом бьет. Нынешнего, государь, 138-го году июня в 21 день по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу послал я из Белгорода белгородца станичнава сына боярскога Кондрата Трунова с товарищи, десети человек, в станицу вниз по Донцу, мимо Царева-Борисова городища, к урочищам, к Ойдару. И прибежали в Белгород ево Кондратова станицы товарищи: станичной отаман Фрол Ястребов, да ездоки Федор Окулов, да Ондрон Смелой, да Иван Шереметев, да станичной вож Григорей Серова. А в роспросе, государь, мне, холопу твоему, станичной отаман Фрол Ястребов с товарищи сказал: июня в 21 день посланы де они из Белгорода в станицу вниз по Донцу, мимо Царева-Борисова городища, к урочищам, к Ойдару и к Саколым горам, с станичным сыном боярским Кондратом с Труновым, И как де они едучи к урочищам и будут верх речки Чорнава Жеребца и у них де станичников пристали лошади. И станичной де голова Кондрат

(Л. 165) Трунов выбрал в своей стоницы лутчих десетера лошадей, да на тех лошедах он, Кондрат, да с ним стоничные ездоки Третьяк Бухонов, да Илья Мурзин, да Восилей Чебукин, да стоничнай вож Клим Конищев поехал в доезд к урочищу с Соколым горам. А он де Фрол Ястребов, да Федор Окулов, да Ондрон Смелой, да Иван Шереметев, да вож Григорей Серова, остались с усталыми лошедьми верх речки Чорнава Жеребца. А учинил де Кондрат Трунов срок, в которой день себя из даезду ждять. И он де Фрол Ястребов с товарищи сверх тово урочнава дня ждал из даезду Кондрата Трунова три дни, и ево де из даезду не дождався, да поехал в Белгород, потому что де чаёт ево, Кондрата Трунова, с товарищи поимали тотарове. Июля же, государь, в 15 день пришел в Белгород белгородец стоничнай ездок Илья Мурзин, той же стоницы Кондрата Трунова, ранен, застрелен из лука. А в роспросе, государь, мне холопу твоему он, Илья, сказал: послон де он из Белгорода в станицу вниз по Донцу, мимо Царева-Борисова городища, к урочищам, к Ойдару и к Саколым горам с сыном боярским с Кондратом Труновым, да с отаманом с Фролом Ястребовым. (Л. 166) И едучи де они к урочищу, и не доехов Сокольных гор, и будут верх речки Чорнава Жеребца и у них де, стоничников, лошади приустали, и Кондрат де Трунов выбрал у своей стоницы десетера лошадей лутчих, да взял с собою ездоков Третьяка Бухонова, да Восиля Чебукина, да, ево, Илью Мурзина, да вожу Клима Конищева. Да поехал де к урочищу, к Соколым горам, а стоничнава де отамана Фрола Ястребова, да ездоков: Федора Окулова, да Ондрона Смелова, да Ивана Шереметева, да вожу Григорья Серова с усталыми лошедьми Кондрат Трунов оставил верх речки Чорнава Жеребца. И едучи де Кондрат Трунов с товарищи от Чорнова Жеребца к урочищу, к Соколым горам, и будут на речки на Боровой, и их де стоничников Кондрата Трунова с товарищи взяли тотарове, и привели их на крымскою сторону реки Донца, на речку на Лугань. И на Лугани де стоит тотар человек со триста и больши, а на которые места приходу их чаёт и тово де не ведома, а ушел де он у татар на речки на Лугани. Июля ж, государь, в 19 день, Илья Мурзин с товарищи (Л. 167) били челом тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, а ко мне, государь, холопу твоему, в съезжею избу принесли челобитною, чтобы ты, государь, их пожаловал, велел ево, Илью Мурзина, отпустить к Москве

бити челом тебе, государю, о изране. И я, холоп твой, ево, Илью Мурзина, бити челом тебе, государю, к Москве отпустил, а что, государь, у них стоничников тотарове взяли лошадей и служивой рухледи, и тому роспись подклея, под сее отписку я, холоп твой, послал к тебе государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, и велел ему, Ильи Мурзину, отписку подати самому, явиться в Розряде твоим государевым дьяком: думнаму дьяку Федору Лихочову, да Михаилу Данилову.

(Л. 168) Роспись, что у ково именам у стоничников Кондратьевой стоницы Труновой взяли тотарове лошадей и служивой рухледи. С стоничным з головою с Кондратом с Труновым взят колчан, да седло с войлыки, епонча, оркан, тренога. Стоничнова отамана Фрола Ястребова взят конь каур, да седло с войлоки, тренога, оркан. У стоничных ездоков: У Ильи Мурзина взяли два коня: конь чал, а другой гнед, да два седла с войлоки, две треноги, два оркана, да епонча. У Андрона Смелова взят конь гнед, да седло с войлаки, оркан, да тренога. С Третьяком з Бухоновым взят конь серопег, да седло с войлаки, оркан, да тренога, епонча. Ивана Русанова взят конь кар, да седло с войлаки, оркан, да тренога. С Восильем Чебукиным взят конь рыж, да седло с войлаки, оркан, да тренога, да епончу. Федора Акулова взят конь сер, да седло с войлаки, оркан, да тренога. С вожем с Клеменом с Конищевым взят конь рыж, да седло с войлаки, оркан, да тренога, епончу. У вожа, у Григорья Матвеева конь бур, да седло с войлаки, оркан, да тренога.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 164–168.

7. 25 августа 1630 г. Челобитная царю Михаилу Федоровичу белгородского станичного ездока Ильи Мурзина

(Л. 169) Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом, холоп твой, белгородец станичной ездок Илейка Парфеньев сын Мурзин. В нынешнем, государь, во 138-м году, по твоему государеву указу посылаю нас, холопей твоих, з Белагорода твой, царь, воевода Иван Федорович Еропкин на твою государеву службу десети человек с станичным головою с Кондратьем Труновым в станицы, к урочищу вниз по Северскому Данцу, к Сокольным горам. И как, государь, будем мы, холопы, верх Чорнова жеребца и съехали с тотары. И те, государь, тотарове учели за нами, холопы

твоими, гоняли меня, холопа твоего, ранили, и угонясь, нас, холопей твоих, взяли в полон пять человек: станичного голову Кондратья Трунова, да меня, холопа твоего, Илейку Мурзина, да Третьяка Бухонова, да Клемена Конищева, да Василья Чебукина. А под нами, холопы твоими, взяли тотарове по два коня подо всяким человеком с седла, и с уздами, и с пищальми, и с епанчами, и с сумками, и с треногами, и со всею службою. Под станичным головою под Кондратьем Труновым взяли конь чал, да конь кавур. А подо мною, под Илейкою, взяли конь чал, да конь гнед, а под Третьяком Бухоновым взяли конь серыпал, да конь рыж, а под Васильем Чабукиным взяли конь рыж, да конь сер, а под Клеменом Конищевым взяли конь бур, да конь рыж. Да в ту же, государь, пору взяли татарове у станичника у Онтропа Смелова конь гнед с седлом и уздою и с епанчою, а сам тот Онроп ушел. И поймали нас, холопей твоих, пять человек, те тотарове, повели на ногайскую сторону, и я, холоп твой, Илейка в полону был у тотар пять дней, да четыре ночи связан, живот свой мучил, а на пятую ночь с стану на речке на Лугани я, холоп твой, у тотар ушел дшею да телом, пеш, и прибрел к Москве, к тебе, государю, а товарищи мои четыре человека остались в полону живот свой мучет за тебя, государя, всякую нужду и бедность терпят. Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй, меня, холопа своего, за тое мое службишка, и за рану, и за полон, и за изрон своим царским жалованьем. И тех моих товарищей, каторые со мною вместе в полон взяты, пожалуй, государь жен их и детей, и братьев своим царским жалованьем, чем тебе милосердому государю о том Бог известит. Государь смилуйся.

Приписка: 138-го августа в 31 день государь пожаловал.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 169.

8. 25-31 августа 1630 г. Докладная выписка Разрядного приказа о погроме татарями белгородской станицы Кондрата Трунова и о челобитной белгородского станичного ездока Ильи Мурзина

(Л. 170) 138-го году августа в 25 день писал к государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Белагорода воевода Иван Еропкин, что июня в 21 день посылаю он из Белагорода станицу вниз по Донцу, мимо Царева-Борисова городища, к урочищам, к Ойдару и

к Сокольим горам станичново сына боярсково Кондрата Трунова с товарищи, десяти человек. Июля в 4 день прибежали в Белгород той станицы атаман Фрол Ястребов, да ездоки Федька Окулов, да Ондроско Смелой, Ивашко Шереметев, станичной вож Гришка Серово. А в роспросе сказали, как де они поехали к урочищам, к Айдару и к Сокольим горам, и будут верх речки Черново Жеребца, и у них пристали лошади. И станичной де их голова Кондрат Трунов изо всей станицы выбрал лутчих десять лошадей. И на тех лошedah он, Кондратей, да с ним станичные (Л. 171) ездоки Третьяк Буханов, Илья Мурзин, Василей Чебукин, да станичной вож Климяко Конищев поехали в доезд к Сокольим горам. А он, Фрол с товарищи, с усталыми лошedahми остались у Черново Жеребца, и ждали они того Кондрата из доезду сверх урочных дней три дни, и не дождався поехали в Белгород. И июля ж в 15 день пришел в Белгород белгородец станичной ездок Кондратовы станицы Трунова – Илейка Мурзин, ранен, застрелен из лука. А в роспросе сказал: как де они поехали от Черново Жеребца к урочищу, к Сокольим горам, и будут на речке на Боровой и их, станичников Кондрата Трунова с товарищи, поймали тотаровя и привели (Л. 172) на крымскую сторону реки Донца, на речку на Лугань. И на Лугани их стоит тотар человек с 300 и больши, а ушел де он, Илейка, у тотар с речки с Лугани. И били челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии громленные станичники Илейка Мурзин с товарищи, чтоб государь пожаловал, велел ево, Илейку, отпустить к Москве, и он, Иван Еропкин, того Илейку отпустил к государю к Москве. А что у станичников на погроме тотаровя поймали лошадей и всякой служилой рухляди, и он тому под отпискою прислал роспись. И по росписи из Белгорода воеводы Ивана Еропкина у станичников на погроме тотаровя взяли лошадей: з головою Кондратом Труновым взят конь чал. Станичново атамана Фрола Ястребова взят конь коур. Станичных ездоков: Ильи Мурзина 2 кони: конь чал, а другой гнед. (Л. 173) Ондроса Смелово конь гнед. С Третьяком Бухоновым взят конь серопего. Ивана Русинова взят конь кар. С Васильем Чебукиным взят конь рыж. Федра Окулова взят конь сер. С вожом с Клеменом Конищевым взят конь рыж. Вожа Григорья Матвеева взят конь бур. Всего на том погроме взято в полон станичников 4 человека, да 11 коней с седлы, и с узды, и с епанчи, и с треноги, и с арканы. А пятой станичник Илей-

ка Мурзин у тотар ушел и отпушон к Москве в челобитчикех. А у выписи станичной ездок Илейка Мурзин сказал, что их (л. 174) тотаровя громили, и на погроме ево, Илюшку, ранили из лука в дву местех по брюху, да по ноге, и взяли в полон ранена. И был он в полону у тотар 4 дни да 4 ночи связан и ушел у тотар с речки с Лугани, а товарищей ево Кондрата Трунова, и Третьяка Буханова, и Василья Чебукина, и Клемена Конищева тотаровя повели в Крым с собою. И у тех станичников, что взяты в полон, ныне в Белгороде: у сына боярсково у Кондрата Трунова отец, да мать, да брат в службу поспел, да жена, да 2 сына. У ездоков: у Третьяка Буханова жена, да сын 12 лет; у Василья Чебукина жена, да 3 сына. У вожа Клемена Конищева жена да 3 сына, два в службу поспели, а третьей не велик. И в Розряде станичной ездок Илюшка Мурзин осматриван. Ранен из лука в дву местех: по брюху повыше луны, да по правой ноге в ладышку, раны зажили. А сказал Илюшка, что стало ему от лечбы 40 алтын. (Л. 175) И государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии бьет челом белгородцкой станичник Илейка Мурзин, чтоб ево государь за рану, и за полон, и за погром, да и товарищей ево, за погромные лошади пожаловал. Велел им дати свое государево жалованье по своему государеву указу. А которых станичников в полон поймали тотаровя и тех бы станичников за погромные лошади пожаловал государь, велел дати свое государево жалованье женам их и детем, как государю Бог известит. А по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии указу белгородцким, и оскольским, и волуйским станичником, как которую станицу в доезде погромят тотаровя или черкасы, и за погромные лошади дают государево жалованья за конь по 4 рубли. Итого за 11 коней доведетца дати 44 рублей. (Л. 176) Да станичников же, которых тотаровя в доездах, как они ездят к урочищу, в полон емлют, или сторожей на сторожах поемлют, или будет ково в подъезде тотаровя возьмут, и будет хто в полону дни 3 или 4, и таким за полон давано по 2 рубли, да по сукну, а иным и по доброму. А за раны давано, смотря по ранам, по указу.

Приписка: По сей выписки государева жалованья за изрон станичник Илья Мурзин на себя и на всех громленных товарищей своих взял все сполна. А ево места белгородцкой егорьевской поп Климент руку приложил.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 170–176.

**9. Начало сентября 1630 г. Черновик
памяти Разрядного приказа в приказ
Большого прихода**

(Л. 177) Лета 7139 сентября в день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память дьяком Матвею Сомову да Пятому Филатову. Государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожаловал белгородских станичников Илейку Мурзина с товарищи, кого в прошлом, во 138-м году июля в 15 день, в доезде к урочищу, на речке на Боровой громили тотарове, лошади и служилую рухлядь поймали, да их голову, сына боярского Кондрата Трунова с товарищи, в полон взяли, велел им (Л. 178) дати своего государева жалованья за изрон и за погромные лошади: Илье Мурзину за два коня. Станичному атаману Фролу Ястребову, ездокам Одрону Смелово, Ивашку Русинову, Федке Окулову, вожю Гришке Матвееву, того за пять коней по четыре рубли, за кони взятых станичников Кондрата Трунова, Третьяка Бухонова, Василья Чебукина, Клемена Конищева, того за четыре кони по четыре ж рубли за конь пожаловал госу-

дарь, велел дати женам их и детям. И всего за одиннатцать лошадей по четыре рубли за конь, итого сорок четыре рубли. Да Илейку ж Мурзина государь пожаловал, что ево на том погроме тотаровя имали в полон раненаго, велел ему дати своево государева жалованья за полон два рубли, да за рану на лечбу полтора рубли. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу дьяком Матвею Сомову да Пятому Филатову государева жалованья, деньги, что дати белгородским станичником за изрон и за (Л. 179) погромные лошади, и станичнику ж Илейке Мурзину за полон и на лечбу на рану, всего сорок шесть рублей с полтиною, прислати в Розряд к дьяком, к думному к Ивану Гаврениеву, да к Михаилу Данилову. А по государеву указу те деньги из Розряду пошлют в Белгород к воеводе с челобитчиком с Илейкою Мурзиным. И велят те деньги роздати в Белегороде воеводе налицо. И государева грамота о тех деньгах в Белегород послана будет из розряду.

Приписка: И по сей памяти в Розряд присланы и отданы Илье Мурзину, а росписано о тех деньгах выше сего.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 177–179.

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 46–49.

² Там же. Л. 85.

³ Там же. Л. 48–49.

⁴ Чепухин А.Г. Организация и развитие станичной службы в Волуйке в XVII веке // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2018. С. 141.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 46–49.

⁶ Там же. Л. 187.

⁷ Там же. Л. 86–89.

⁸ Там же. Л. 46–48.

⁹ Там же. Л. 187.

¹⁰ Там же. Л. 64.

¹¹ Там же. Л. 65.

¹² Там же. Л. 65–66.

¹³ Там же. Л. 66.

¹⁴ Там же. Л. 142–143.

¹⁵ Там же. Л. 164–166.

¹⁶ Там же. Л. 165.

¹⁷ Там же. Л. 164–166.

¹⁸ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. С. 63.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 175.

²⁰ Там же. Л. 166–167.

²¹ Там же. Л. 168.

²² Там же. Л. 169.

²³ Там же. Л. 176.

²⁴ Там же. Л. 169.

²⁵ Там же. Л. 170–176.

²⁶ Там же. Л. 177–178.

²⁷ Там же. Л. 174.

²⁸ Там же. Л. 178–179.

²⁹ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. Кн. XII. М., 1901. С. 174.

³⁰ Курбатов О.А. Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг. // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 71–83.

³¹ Чепухин А.Г. Указ. Соч. С. 141.